

СМЕРТЬ ВРУБЕЛЯ

В год смерти художника Врубеля (1910) поэт-сатириконец Саша Черный посетил какую-то выставку и сразу разразился стихами, в которых простенько, без затей перечислил увиденное: "Умиравший больной. Фиолетовые свиньи. Стая галок над копной. Блюдо раков. Пьяный Ной. Бюст молочницы Аксиньи. И кобыла над сосной". Из стихов ясно, что Врубеля на той выставке не было - поэт изобразил процветающий "Союз русских художников". Нетрудно вычислить авторов: скажем, молочница Аксинья - Малявин или Архипов, а стая галок или кобыла - какой-нибудь Туржанский, Мешков... Но поэт увидел не только картины на стенах: еще посетителей. ("Кисло-сладкие мужчины, знаменитости без лиц, строят знающие мины, шевелюры клонят ниц...") Они производят такое же унылое впечатление, как и картины, которые разглядывают и тут же обсуждают, а знаменитостей также нетрудно вычислить. Скажем, Нувель и Нурок: болтаются на всех концертах, на любых выставках (а сегодня - в любых мемуарах о т.н. "Серебряном веке") - точно какие-то Добчинский и Бобчинский. О ком бы ни читал - вечно спотыкаешься об эту парочку...

Врубель умирал долго - столько же от душевной болезни и последовавших за нею телесных недугов, сколько и от "обстановочки", которую замечательно изобразил Саша Черный. Художественных выставок он уже долгие годы не посещал (раздражали картины, а еще больше - публика), но приходилось видеть вечерние улицы, витрины, извозчиков и "кобыл", котелки и шляпки - все, что можно покрыть одной великой строкой: "бессмысленный и тусклый свет". В конце концов Врубель ослеп: от этого света - так же, как и от яркости своих видений. Но перед тем как ослепнуть, успел изобразить последнюю тогдашнюю знаменитость: Валерия Брюсова - со скрещенными на груди руками, которые сперва напоминают о Пушкине, но после - о Бонапарте. И неслучайно в Брюсове вырисовывался генерал-император: больной Врубель уловил смысл этой поэзии, хотя толком ее не знал, и неожиданно потянулся - не к поэту - к генералу, как будто ища защиты... От кого?

Явившись позировать в частную клинику доктора Усольцева, Брюсов столкнулся с безумцем: грязная измятая рубашка, "красноватое лицо; глаза - как у хищной птицы". Во время сеанса художник неожиданно спросил у своей модели: "А что, вы ничего не слышите?" - и, получив отрицательный ответ, сразу заговорил: "А мне вот кажутся голоса... Я думаю, что это говорит Робеспьер". Разубедить Врубеля Брюсову не удалось. На следующем сеансе Врубель уже рассказывал, что прошедшей ночью был суд ре-

волюционного трибунала, приговоривший его к смерти. И опять Брюсову (как и лечившему Врубеля д-ру Усольцеву) не удалось его разубедить - потому что Врубель был одновременно и безумен, и прав, как многие из тех, кого приходится изолировать от окружающих.

Прежде чем лечь в клинику, Врубель несколько раз поразил близких неожиданным буйством: прибил извозчика, который почему-то сочувствовал революционерам, а в Мариинском театре ударил капельдинера - потому что тот посмел дотронуться до его рукава. Врубель тогда подумал, что и капельдинер - "сочувствует", а теперь, глядя на стихотворца, наглухо застегнутого, якобы вдохновенного, рассчитывал: может ли этот спасти от извозчика, от молочницы, от капельдинера, как от того нувориша, который заказал недавно портрет? Их всех надо уничтожить! Врубель - не желает их больше видеть! Как это объяснить генералу, почему-то сочиняющему стихи?

...Врубель вспоминал, глядя на Брюсова, одного богатого заказчика: явился за своим изображением, но увидел вместо портрета какую-то гадалку (кстати - лучшая картина Врубеля), а на свой изумленный

**КОРОВИНУ ВРУБЕЛЬ
ОДНАЖДЫ СКАЗАЛ:
ТЫ, КОСТЯ,
КАК СЕРОВ,
КАК РЕПИН,
- КАШУ РИСУЕШЬ**

вопрос неожиданно услышал от художника: осто-
чертела... ваша
физиономия. С
Брюсовым он, раз-
умеется, так не
поступил - нари-

совал глаза - как камни и сюртук - как доспех... И еще он вспоминал, как давным-давно в молодости расписывал орнаментом Владимирский собор. Ему тогда сказали, что кончик носа у него испачкался зеленой краской. Однако вместо того, чтобы смыть эту краску скипидаром, он, поглядевшись в зеркало, вымазал весь нос и отправился в таком виде в ресторан, где, сидя с друзьями, предложил каждому раскрасить нос какой-нибудь - в зависимости от характера и вкуса - краской: лиловой, красной, желтой... Чтобы не было никакой человеческой каши. Коровину он однажды сказал: ты, Костя, как Серов, как Репин, - кашу рисуешь!

Но самое безобразное лицо, которое он увидел на своем веку, - у "Великой знаменитости" в его "Скучной поляне". Врубель тогда предстал "предугрюмые, пронзительные волчьи голодные очи маститого, родовитого, но все же мужика". Рядом с этим зверем он почувствовал себя... Христом, ему казалось, что собеседник должен его молча поцеловать - как тот, у Достоевского... Понятно, не поцеловал ("в нем, аристократе, моя фигура возбуждала брезгливость"). Прав-то был - Ленин, потому что художник увидел тогда зверя страшнее извозчика: "Мне отмщение и аз воздам". Он поглядел в зеркало - будущей русской революции.

Смерть его стояла в этом лице.

Борис ТУЛИНЦЕВ